Глава 16: Правда или ложь

Е Цинсюань открыл глаза.

Был день. Теплое солнце светило сквозь открытые окна на его тело.

Он почувствовал усталость впервые за долгое время, но это было так хорошо. Не было никакого давления или какой-либо невыносимой боли. В его сердце был мир и комфорт.

«Ты проснулся?» Отец, который читал за столом, поднял голову и холодно сказал: «Я не думал, что ты быстро поправишься, вернувшись наполовину мертвым».

«Мой отец раньше говорил, что дешевую жизнь легко поддерживать», - смеялся Е Цинсюань, пытаясь сесть. «Бог, вероятно, не хотел принимать такого лжеца».

«Не думай о Боге». Священник не стал спорить с ним, а только предупредил его, а затем вернулся к чтению.

Послеполуденный солнечный свет на теле Е Цинсюана был теплым и мягким почти успокаивал его снова и снова. У него было бледное лицо, но он чувствовал себя намного лучше.

Спустя долгое время он услышал неожиданный голос отца Банна: «Тебе приснился кошмар?»

«Нет.» Е на мгновение задумался, но не могли не рассмеяться: «У меня давно не было такого хорошего сна».

«Это не похоже на ложь. Похоже, ты хорошо поправляешься». Священник кивнул и вдруг сказал: «Иди и посмотри на Виктора, он в своей комнате».

«Что с ним?»

«Он прятался в своей комнате с тех пор, как вернулся прошлой ночью, и не хотел ни с кем разговаривать. Он чувствовал себя виноватым за тебя. Ты должен поговорить с ним». Священник сделал паузу и сказал: «Вы оба дураки, поэтому вы должны понимать друг друга».

Поскольку у гениев было взаимопонимание, между дураками должен быть общий язык.

Слова священника были верны - мир всегда был сгруппирован. Богатые или с богатыми в своих особняках, а бездомные обнимали друг друга в снегу. Одинокие люди разделяли одиночество друг с другом, а люди с болью зализывали раны друг друга.

Виктор сказал, что Е Цинсюань был его единственным другом, также Е Цинсюань был единственным другом Виктора.

Один держался за мечту стать музыкантом и никогда не отпускал её. Другой возомнил себя большой шишкой и мстил аристократии за убийство членов своей семьи.

Парень, который уже стал уличным мальчиком, всегда считал, что станет великим, поэтому он всегда был готов бросить вызов власти или что-то подобное.

Относился к другим так, как он бы хотел, чтобы к нему обращались, и он чувствовал, что Е Цинсюань был его единственным другом. Таким образом, никто не мог назвать его дешевым -

даже его величество не посмел бы это сделать!

Все время он чувствовал, что у него будет великое будущее, и в этом мире не было ничего, что могло бы остановить его. Он был наивным и упрямым.

Но когда Е Цинсюань увидел Виктора - таким тревожным и грустным, неопрятным и свернувшимся в углу -, он не выглядел как великий человек, которым он хотел быть.

Когда Е Цинсюань сел рядом с ним, Виктор долго смотрел на него, затем он наконец узнал его.

«О, Ецзы, ты проснулся?» - спросил Виктор, пытаясь улыбнуться.

Е Цинсюань посмотрели на его неопрятную кровать, покачав головой: «Ты не спал?»

«Я не мог заснуть, чувствуя, что кто-то смотрит на меня. В этой комнате было чувство убийства ... Ецзы ...»

Виктор посмотрел в пустой уголок, словно увидел невидимых злых духов. Его зеленые глаза были злыми, он охотился за врагом, и был готов убить.

«Он смотрит на меня?»

«Он мертв, Виктор». Е Цинсюань прошептал: «Он не появится за окном». Все живут только один раз. Если кто-то мертв, он действительно мертв».

«Он умер?» Виктор оглянулся на него. Злость в его глазах постепенно исчезла. Он прошептал: «Неужели он действительно мертв?»

Е Цинсюань медленно кивнул.

«Так и есть», - сказал Виктор.

Виктор вдруг понял, что все его трудности исчезли. Он прислонился к стене и тихо рассмеялся: «Да, я убил его, я забыл. Как я уже говорил, ты не знаешь, как драться, поэтому каждый раз, ты должен полагаться на меня. Когда Старик Фил нашел меня, я знал, что это не к добру. Так что я справился довольно хорошо, верно?» Он улыбнулся, но было заметно страх под его улыбкой - это был страх, от которого нельзя было избавиться.

«Да, ты справился довольно хорошо». Е Цинсюань кивнул.

«Конечно, я поганое отродье, и даже убийство не может остановить меня». Он прошептал: «Я великий человек и буду успешным, верно?»

Е Цинсюань молчал, похлопывая по плечу Виктора.

Виктор посмотрел на него, улыбаясь, он был удивленный, и грустный. Как маленький хулиган, которого только что избили, его слезы были дешевыми.

«Но тогда почему я не выступил? Я должен был быть приманкой, я должен был пойти туда, но я боялся. Ецзы, ты не боишься?»

«Ты вдруг задал мне этот вопрос, но я не могу ответить сейчас». Е Цинсюань почесал голову и схватил Виктора за плечи: «Тебе не нужно грустить из-за того, что произошло. Я не был таким храбрым, как ты думаешь».

«Ецзы, ты пытаешься меня утешить?» Виктор посмотрел на него: «Меня не нужно утешать».

Он не закончил свои слова, потому что не видел сочувствия и малейшей милости в глазах белокурого подростка.

«Никто не может всегда говорить красивые слова, Виктор. Эти прекрасные вещи предназначены только для маскировки». Е Цинсюань прошептал: «Я больше боюсь, чем ты, но я привык к этому».

«Когда я был очень молод, я знал, что если я умру, никто не будет помнить меня. Так что мне пришлось тяжело работать, чтобы жить, но чем больше усилий я прилагал, чтобы жить, тем больше я боялся смерти».

«Гораздо легче умереть, чем жить».

Пять лет назад, когда я бродил здесь, священник усыновил меня. Я думал, что смогу жить. Я думал, что, живя, я мог бы сделать все. Я мог бы походить на хорошего мальчика, учиться усердно заклинаниям. Но самая важная причина в моем сердце заключалась не в том, чтобы отплатить им или помочь другим людям - это было для меня.»

Е Цинсюань остановились и начал смеяться, но это было самоуничтожение. «Это включает время, когда я встал, и попросил мистера Волчью Флейту позволить мне заменить тебя, чтобы он был должен мне и помог мне стать музыкантом, чтобы вернуться в Авалон. Это было так просто. Иногда я думаю о том, какой я человек, и мне очень стыдно. Виктор, я сделал так много. Может быть, часть этого заключалась в том, чтобы помогать другим людям, но в конечном итоге это было для меня».

Он погладил кольцо пальцем. «Может быть, я был таким человеком, но из-за того, что у меня ничего не было, я хотел большего. Если бы я действительно хотел чего-то, мне было бы безразлично, я бы бросился к любой возможности, чувствуя себя собакой, жаждущей еды, но быть собакой не плохо. Если это позволяет мне получать то, что я хотел, я мог бы сделать что угодно ... что угодно».

Ецзы спокойно оценил себя, как будто он очистил пыльное зеркало, на которое он раньше смотрел, и теперь смог увидеть свое истинное отражение. Его тон был грубым и мрачным. Сказать эти слова тоже самое, что поставить ставку против судьбы всего, что у него было в его жизни.

«Виктор, я хочу быть музыкантом».

В тишине Виктор уставился на него, как будто впервые увидел его.

Остановившись на мгновение, он вдруг тихо рассмеялся: «Значит, ты действительно злой, Ецзы».

«Ты действительно это сказал?» Е на мгновение удивился. Внезапно он рассердился и пнул Виктора в бок: «Я так много сказал и пытался тебя утешить!»

Виктор упал на пол от удара Е Цинсюана, но он рассмеялся, как будто смеясь над Ецзы.

«Иди к чёрту, я притворюсь, что моя доброта была съедена Старым Филом». Цинсюань быстро пнул дверь и ушел, но Виктор все еще смеялся.

Через некоторое время проснувшийся Старый Фил вошел в дверь, ища что-нибудь поесть. Но он увидел, что Виктор все еще смеялся так сильно, что не мог дышать.

Внизу священник посмотрел в молчание и долго кивнул. «Теперь все хорошо.»

«Так просто». Волчья Флейта вздохнул: «Это из-за того, что детям легче говорить друг с другом?»

«Нет, это дурак, который верит только в глупые слова».

Была полночь. Черная луна висела высоко в небе, выл ветер.

На заднем дворе церкви две фигуры вышли из комнаты с лопатами и прошли по улицам. Один из них был высоким и худым. Другой шатался, как будто он недавно получил ранения.

Они прошли весь путь по городу спокойно и, наконец, остановились у железного забора перед кладбищем.

Высокий и худой священник снял ржавый медный ключ с шеи и открыл огромный железный замок. Железные ворота открылись с резким звуком, так как они долгое время не открывались.

«Вы действительно хотите спрятать вещи на кладбище?» Волчья Флейта держал лопату и прошептал: «Она сгниет от влаги и трупов?»

«Последний священник сказал мне, что вещь хорошо сохранилась и не должна быть сломана», - сказал священник.

«Эй, мы доверяли такие важные вещи под опеку церкви. Вы должны хотя бы подтвердить!»

«Во-первых, эта вещь была передана священнику, он должен был её запечатать. Вы не сказали, в какой день вы её заберете. Во-вторых, если каждый священник захочет посмотреть на неё, тогда не будет никакой тайны».

«Почему я не думаю, что ты прав?» Отец Банн снова взглянул на него, как на идиота.

В темноте отец Банн нес свет, ведущий вперед. Они шли по мягкой, влажной почве, проходя мимо надгробных камней. Волчья Флейта был ранен, не мог идти быстро, поэтому он читал надгробные надписи на каждой надгробной плите.

«О, какая жалкая история. Этот человек был убит, потому что он обнаружил дело своей жены! Подождите, его жена здесь. Почему здесь прелюбодей? Плюс его две собаки. Что это? Отец, я мог бы составить историю с сотни тысяч слов».

«Бред какой-то.» Священник прервал: «Пошли, мы почти там».

В конце концов, они остановились перед очень старым надгробным камнем. За бледной надгробной плитой был сломанный крест, а с течением времени тексты исчезли.

Священник посмотрел на надпись и использовал лопату, чтобы избавиться от сорняков перед могилой и кивнул. «Здесь, ты можешь начать копать».

Волчья Флейта начала копать, чувствуя тупую боль от раны. Без какого-либо сопротивления со стороны грязи он чувствовал себя спокойно.

Но грязная почва была, очевидно, холодной, а также с гравием.

Казалось, что невидимый призрак смотрел на них в темноте, наблюдая, как они раскапывают могилы. Казалось, они окружили их холодным воздухом. Призрак ожидал, что его выкопают, а затем пусть люди лягут в могилу.

«Чья это гробница?» Волчья Флейта слегка дрогнул. «Я чувствую, что мы выкопаем призрака».

http://tl.rulate.ru/book/11736/260856